

бразующих сфер. Поэтические миры С. Кековой и М. Борцовой представляют собой сложные духовно-эстетические системы, содержащие в себе свою интерпретацию христианского кода современной русской литературы.

Примечания

- ¹ См.: *Лилич Г., Трофимкина О.* Отражение библейских текстов в автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 2. СПб., 2003. С. 53–59 ; *Орлова Н.* Библейский текст как прецедентный феномен. Саратов, 2008 ; *Она же.* Книга книг : филологический комментарий библейских текстов. Саратов, 2006.
- ² *Верещагин Е.* Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 58.

УДК 821.161.109+929

НЕКОМИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ НАД ЯЗЫКОМ РЕВОЛЮЦИИ

М. А. Пчелинцева

Саратовский государственный университет
E-mail: Pchela.76@mail.ru

В статье дается классификация рефлексивов русского языка. Выявляются типы некомических рефлексивов в творческом наследии писателей-эмигрантов первой волны.

Ключевые слова: языковая рефлексия, рефлексив, русское зарубежье.

Non-Comic Reflection of Russian Emigrant Writers at the Language of Revolution

М. А. Pchelintseva

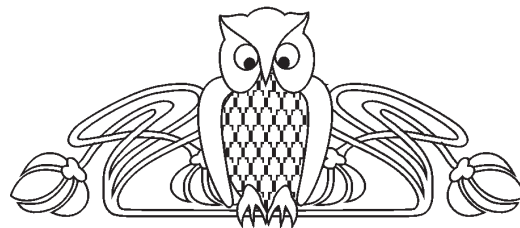
This article gives the Russian-language reflexives classification. Types of non-comic reflexives in the creative heritage of the first wave emigrant writers are found out.

Key words: linguistic reflection, reflexive, Russian-language literature abroad.

Творческое наследие писателей-эмигрантов – важная часть единой русской культуры, расколотой революцией 1917 г. Оно представляет богатейший источник для изучения оценки революции русскими людьми, наблюдавшими за революционными событиями хоть и со стороны, но очень пристрастно и заинтересованно.

Эмигрантская оценка различных сторон советской действительности и новой культуры имеет вербальное выражение, то есть проявляется на лексико-семантическом уровне. Объектами оценки являются Октябрьская революция, Советская Россия, советский уклад жизни, советский язык, советская литература, советские писатели,

- ³ *Кекова С.* Небо и земля Арсения Тарковского : метафоры христианского кода : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009.
- ⁴ *Борцова М.* После бала : стихотворения и проза. Саратов, 2004. С. 19. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁶ *Кекова С., Измайлов Р.* Православное обоснование художественного творчества // Сибирские огни. 2008. № 11. URL: <http://www.magazines.russ.ru/sib/2008/11/ke11.html> (дата обращения : 23.10.2011).
- ⁵ *Кекова С.* Плач о древе жизни : стихи разных лет. Саратов, 2006. С. 33. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁷ *Кочедыков Л., Жильцова Л.* Краткий словарь библейских фразеологизмов. URL: <http://www.bible-center.ru/dict/phrases> (дата обращения : 23.10.2011).

советский человек. Новый язык, наряду с другими явлениями советской действительности, получает вербальную оценку. Однако основная форма выражения критического отношения к языку – это рефлексия, структурным элементом которой является рефлексив.

Определение рефлексива принадлежит И. Т. Вепревой: «...законченное (хотя бы относительно) высказывание, содержащее оценку употребительному слову или выражению, формально включающее лексическую единицу “слово” или глаголы говорения и именованья»¹.

Существуют разные подходы к рефлексивам и разная их классификация. М. А. Кормилицына, например, по структуре делит рефлексивы на два вида: эксплицитные и имплицитные². Первые содержат вербально выраженный авторский комментарий, во вторых такой комментарий отсутствует.

Эксплицитные рефлексивы, в свою очередь, могут выступать в двух формах: простое комментирование и оценочное. И. Т. Вепрева называет эти формы метаязыковым комментарием и метаязыковой интерпретацией³. Метаязыковой комментарий представляет собой простое высказывание, когда субъект речи комментирует слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию. Метаязыковая интерпретация является оценочным высказыванием: говорящий выражает свое отношение к слову.

В имплицитных рефлексивах, где отсутствует вербально выраженный комментарий, рефлексия проявляется с помощью «закавычивания». Кавыч-

ки – это сигнал для адресата, что данное языковое средство требует дополнительного осмысления.

По цели рефлексивы классифицируют на комические и некомические (например, А. А. Пихурова⁴). Под комическими понимаются такие, которые порождают комический эффект. Все остальные являются, соответственно, некомическими.

И, наконец, можно назвать еще одну, более дробную классификацию, основанную на критериях выделения рефлексивов⁵ – динамических, стилистических, деривационных и личностных.

Таким образом, в современной лингвистике на разных основаниях выделяются следующие типы рефлексивов:

- 1) по структуре: эксплицитные, имплицитные;
- 2) по цели: комические, некомические;
- 3) по критериям выделения: динамические, деривационные, личностные и стилистические.

Мы рассмотрим разновидности и специфику некомических рефлексивов, выявленных в словесном творчестве русских писателей – эмигрантов первой волны.

В творческом наследии русского зарубежья эксплицитные рефлексивы функционируют в двух формах – метаязыкового комментария и метаязыковой интерпретации.

Метаязыковой комментарий представлен динамическими и деривационными рефлексивами. Динамические связаны с появлением в русском языке послереволюционного периода большого количества новых слов. Метаязыковой комментарий в них выполняет различные функции – поясняет изменение семантики слова, значение новой лексемы, способ образования нового слова, указывает на временную или стилистическую характеристику слова:

*Стихи Ибнер стали длиннее, чем были прежде. Большая часть их принадлежит к тому жанру, который в России теперь называют «балладами»: рифмованное повествование о каком-либо маловероятном происшествии, неизменно заканчивающемся на славу революции⁶; Наконец, своего рода универсальным словом, призванным охарактеризовать и заклеить самую суть советского творчества, является **халтура** и его производные халтурить, халтурищик, халтурничать. Так обозначается теперь в России всякая недобросовестная и бесполезная, безрезультатная работа, работа впустую, времяпрепровождение, «околачивание»⁷; В первые же дни революции возникли **совдеп**, **аркомы** – комитеты при армии, **политкомы** – политические комиссары. С появлением же у власти большевиков все учреждения и должности административного аппарата были переименованы по сокращённому способу⁸; Коммуна в деревне теперь провалилась, выдумали другое слово – **артель**⁹; В первые годы революции довольно распространённым было и слово «**Совдения**», но тогда как наименование*

*«**Эсесерия**» было более безобидным и могло исходить от лиц, настроенных по-советски, обозначение «**Совдения**» употреблялось исключительно антибольшевистски настроенными людьми¹⁰.*

Комментарий к смене номинации выполняет функцию идентификации, то есть через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности: *Вместо **полиции** пришла **милиция**, вместо **участков комиссариаты**, вместо **участковых приставов присяжные поверенные**, которые назывались **комиссарами**. Обе столицы превращались в **вотчины**, но назывались **коммунами**¹¹; Большевики назвали **тюрьму изолятором**, а **смертную казнь** – **высшей мерой социальной защиты**¹².*

Метаязыковой комментарий в деривационных рефлексивах помогает разграничить значения многозначного слова в контексте, особенно если контекст создает условия для одновременной актуализации двух значений: *Маска ложной всемирности – Интернационал – скрывает лицо захолустнейшего из захолустников, «**идиота**» из «**идиотов**», в древнем смысле, – **Ленина**¹³; В первых рядах – «генералитет и аристократия». Все в коже. **Я говорю, конечно, не о собственной, человеческой, а о телячьей, бараньей** – словом, **революционной коже**, из которой шьются куртки и сапожищи с крагами¹⁴.*

Иногда рефлексивные высказывания интерпретируют слово с точки зрения мотивировочного признака, лежащего в основе слова, причем интерпретация обычно намеренно сводится к так называемой ложной, наивной, народной этимологии: ***Диктатором** называется человек, умеющий диктовать. Все остальные пишут под диктовку и называются населением. Кто не желает подчиняться правилам правописания, высылаются вон и называется **эмигрантом**¹⁵.*

Другая форма эксплицитных рефлексивов – метаязыковая интерпретация – представлена динамическими и личностными рефлексивами. Оценочное значение в динамических рефлексивах выражают прилагательные и наречия, они служат для характеристики названий лиц, нового названия государства, публичной речи: *Множество аббревиатур – названий союзных и автономных республик, надоедливо повторявших сочетание «ССР», очевидно, привело к созданию **иронического названия** Советского Союза – «**Эсэсэрия**»¹⁶; <...> Россия в то время устранилась, **называясь мутно «РСФСР»** – без гласных, как бред немого¹⁷; И тогда начались эти **исступленные и шаманские однообразные крики** о «буржуях», «контрреволюции», «немедленном мире без аннексий и контрибуций», о «буржуазной клевете», «империалистах», «социал-предателях» и о «ноже в спину революции». **Однообразные, часто совсем непонятные** для тёмной массы, они покрыли столбцы всех газет¹⁸; <...> выбивая из жизненного строя под **злой кличкой «буржуев»** все неугодные*

крайним демагогам классы и слои общества, он (государственный переворот 1917 г. – М. П.) останавливал жизненные функции государства¹⁹.

В личностных рефлексивах оценочные высказывания писателей-эмигрантов связаны с сугубо критическим отношением к советскому официальному языку и направлены на раскрытие несоответствия между значением слова и означаемым явлением: *Нужно быть самому нечеловечески, скотски или безумно безнравственным, чтобы называть «внутренними делами» тот случай, когда здоровенный мерзавец насилует женщину или жестокая мать истязает ребёнка, – и не вмешаться под тем предлогом, что упомянутые действия некоторой группой людей называются «социализмом» или «коммунизмом»²⁰; Да, да, это называется «внутренними делами», когда в соседнем доме, среди бела дня, громят и режут разбойники!²¹; Общедоступное объяснение той катастрофы, которая именуется и впредь будет, вероятно, именоваться русской революцией, прежде всего заключается в ссылке на невежество и некультурность народа²²; Есть агитация, есть «классовая пропаганда», есть «производственные задания» – всё, что делается по указке, по общим схемам, <...>, с распределениями по прямой линии, с дисциплиной, с фронтом. Но никогда никто в мире не называл это литературой²³.*

Следует отметить ассоциативный характер оценок, обусловленный образными ассоциациями с новыми словами: *Новый «Совдеп» (какое словечко! Совиное депо) громит все и вся²⁴; Термин «пятилетка» напоминает мне чем-то конский завод²⁵.*

Все обнаруженные в материале имплицитные рефлексивы являются динамическими и выделяются в тексте с помощью «закавычивания». Они представлены такими тематическими группами новых номинаций, как лица и их объединения, действия властей, новое название Советского государства, советская литература, различные проявления большевистской идеологии: *Почему никто не сказал о России ласкового слова, а всё только о пролетариате и «трудовом народе»²⁶; Петербург сейчас остаётся на добычу хулиганам, разным «районным советам»²⁷; «Комиссар» нашего дома сделался «комиссаром» только потому, что моложе всех квартирантов и совсем простого звания²⁸; После 11 ч. вечера, когда уже запрещено ходить по улицам (т. е. после 8, – ведь у нас «революционное» время, часы на 3 часа вперёд!) музыка не кончается²⁹; В Харькове «принять чрезвычайные меры» против чего? – и все эти меры сводятся к одному – к расстрелу «на месте». В Одессе расстреляно ещё 15 человек (опубликован список)³⁰; В «коммунистическом государстве» пресса допускается, ведь, только казённая. Книгоиздательство тоже только одно, государственное, – казённое. Впрочем, оно никаких книг не издаёт, издаёт пока лишь брошюры*

коммунистические³¹; Революция – грань: за ней «старый период», после неё «новый». Ясно, общедоступно... – и никого не убеждает³²; «Соть» есть открытый, совсем ничем не вуалированный «социальный заказ». Собственно, автору это и совсем неинтересно. Приказали – сделал³³; Так арестовали мужа нашей квартирной соседки, древнего-древнего старика. Он не был, да и не мог быть причастен к «контрреволюции», он просто шёл по Гороховой³⁴; Сюда к Дзержинскому в квартал ЧК без устали свозили «врагов» революции³⁵.

Как видим, неколические рефлексивы в исследуемом материале представлены довольно широко. Все структурные формы рефлексивов нашли отражение в творчестве русских писателей – эмигрантов первой волны примерно в равной степени: эксплицитные (оценочные высказывания в форме метаязыковой интерпретации – 11,6%, неоценочные в форме метаязыкового комментария – 10,6%); имплицитные (в форме «закавычивания» – 8,99%).

Если говорить о динамических, стилистических, деривационных и личностных рефлексивах, то они представлены у эмигрантов в разной степени. По числу структурных форм преобладают динамические рефлексивы, которые находят выражение во всех возможных формах (метаязыковой комментарий, метаязыковая интерпретация, «закавычивание»). Деривационные и личностные реализуются только в одной форме: первые в форме метаязыкового комментария, вторые – метаязыковой интерпретации.

По количественному признаку в творчестве представителей русского зарубежья преобладают динамические и личностные рефлексивы, деривационные представлены в незначительной степени, стилистических не выявлено вообще.

Преобладание динамических рефлексивов объясняется интенсивным пополнением русского языка послереволюционного периода новой лексикой, а личностных – абсолютно негативной реакцией эмигрантов на советский язык.

Примечания

- 1 Вепрева И. О функционально-системной организации рефлексивов // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998. С. 28.
- 2 См.: Кормилицына М. Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 21.
- 3 См.: Вепрева И. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 80.
- 4 См.: Пихурова А. Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI веков (на материале словарей и текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- 5 См.: Вепрева И. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху.
- 6 Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные беседы : в 2 кн. СПб., 1998. Кн. 1. С. 337.

- ⁷ Карцевский С. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 36.
- ⁸ Там же. С. 31.
- ⁹ Зайцев Б. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. М., 2001. С. 158.
- ¹⁰ Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. Нью-Йорк, 1955. С. 68.
- ¹¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 194.
- ¹² Алданов М. Бегство. М., 1991. С. 317.
- ¹³ Мережковский Д. Царство Антихриста. СПб., 2001. С. 325.
- ¹⁴ Теффи Н. Житьё-бытьё : Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 279.
- ¹⁵ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь : Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 342.
- ¹⁶ Фесенко А., Фесенко Т. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁷ Шмелёв И. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1999. Т. 7 (доп.). Это было : Рассказы. Публицистика. С. 234.
- ¹⁸ Андреев Л. Проза. Публицистика. М., 1998. С. 504.
- ¹⁹ Из глубины : сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 48.
- ²⁰ Андреев Л. Проза. Публицистика. С. 488.
- ²¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 45.
- ²² Из глубины : сборник статей о русской революции. С. 236.
- ²³ Адамович Г. Указ. соч. С. 403.
- ²⁴ Гиппиус З. Дневники : в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 133.
- ²⁵ Набоков В. Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 219.
- ²⁶ Шмелёв И. С. Указ. соч. С. 305.
- ²⁷ Гиппиус З. Дневники. С. 98.
- ²⁸ Бунин И. Указ. соч. С. 74.
- ²⁹ Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк – Москва, 1990. С. 252.
- ³⁰ Бунин И. Указ. соч. С. 74.
- ³¹ Гиппиус З. Петербургские дневники. С. 258.
- ³² Критика русского зарубежья : в 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 18.
- ³³ Зайцев Б. Указ. соч. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000. С. 111.
- ³⁴ Гиппиус З. Петербургские дневники. С. 254.
- ³⁵ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 13.

УДК 821.161.1.09+929Пушкин

КОНЦЕПТ МИЛОСЕРДИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И В ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ

М. Ю. Никитина

Саратовский государственный университет
E-mail: masha.05@inbox.ru

Исследуется эволюция концепта *милосердие* в русском языковом сознании, проводится многоаспектный анализ концепта, рассматривается его функционирование в идиостиле писателя на материале творчества А. С. Пушкина.

Ключевые слова: милосердие, концепт, лингвокультурология, художественный концепт, идиостиль.

Concept *MERCY* in the Russian Linguistic Consciousness and in the Writer's Idiostyle

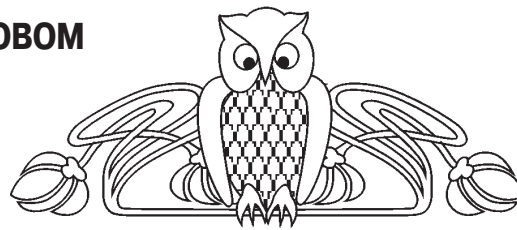
M. Yu. Nikitina

The evolution of the concept *MERCY* is researched in the Russian linguistic consciousness; the concept is analyzed in many aspects; the concept's functioning in the writer's idiostyle is examined on the material of A. S. Pushkin's literary heritage.

Key words: mercy, concept, linguoculture, literary concept, idiostyle.

В современной жизни концепт *милосердие* является одним из наиболее актуальных для выявления нравственных норм и социального поведения человека, о чем свидетельствует постоянное присутствие идеи милосердия в СМИ. Тем не менее среди культурных концептов *милосердие* до сих пор остается одним из наименее изученных.

В наши дни можно наблюдать взаимодействие различных областей знания. В системе гуманитарного знания лингвистика занимает

авангардные методологические позиции, которые плодотворно взаимодействуют между собой. Сложность параметров определения концепта привела к тому, что в современном языкознании нет его единого значения. Наиболее разработанными в настоящий момент считаются четыре методики изучения концепта на основании языкового материала: психолингвистическая, народно-этнографическая, лингвокогнитивная и лингвокультурологическая. С точки зрения психолингвистики А. А. Залевская представляет концепт как продукт психических процессов (познания и общения)¹. Н. Д. Арутюнова, автор логико-филосовской концепции, рассматривает концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей². В рамках лингвокогнитивного подхода Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин трактуют концепт как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике³. В основе нашего анализа культурного концепта лежит лингвокультурный подход к изучению концептов. С позиций лингво-